

Дюк Степанович (16)

Как во той-де во Нижной Малой Галицы,
Как во той-де Корелы пребогатоей,
Кабы жил там Степан да он состарилсэ,
Как ище того Степан скорé представилсэ.
Как осталась у его да молода жона,
Молода-та жона да чадо милое,
Как ему-то ле было как названьицо —
Абы был он ле Дюк ыще Степановиць.
Как прошло тому времецька семнадцет лет,
Говорил он своей да рóдной маменьки:
«Уж ты ой еси моя маті родимая!
Уж ты дай-ко-се мне блаґословленьице,
Кабы съездить-сходить мне [в] стольной Киев-град,
Посмотреть мне кнезя да со кнегинаю,
Посмотреть-то мне русскиих боґатырей!»
Говорила ему да мать родимая:
«Ты не езд, моё да чадо милаё,
Ты не езд-ко ты да в стольной Киев-град —
У цяря-та живут пиры омманчивы.
[Там похвастаёшь ты да...]
Ты напьессе тоґды да зелена вина,
Ты похвастаешь тогда да золотой казной,
Ты похвастаешь тогда еще добрым конём,
Ты похвастаешь ище силбй могучеей».
Говорит он на то да родной матушки:
«Я поеду сейчас да в стольной Киёв-град!»
Как дала она ему блаґословленьица:
«Ах, поедёшь ты, чадо мое милоё,
Ты не пей-ко ле там да зеленá вина,
Ты не пей-ко-се там да пива пьянаго,
Ты не хвастай-ко там да золотой казной,
Ты не хвастай-ко там ыще добрым конём,
Ты не хвастай-ко ты да платьём цветным —
Ты похвастай-ко мной, да старой матерью».
Походил тоґды Дюк да на конюшен двор,

Выбирал себе коня да троелеточка,
Надевал ему уздечку шелку шемохацкаго,
Надевал ему седёлышко сверькальскоё,
Он садилсэ тогды да на добра коня,
Поежжал он тогда да в стольной Киёв-град.
Он приехал ко князю ко Владимиру,
Как ко той до ему да гринни княжонецкой.
(Это-то я пробрасывал тогда, забыл онново, так.)

Он подъезал ко гринни княжонецкой,
Как к тому-де столбу ище дубовому.
Ак у того-де столба да у дубового
Как завеньчено было три колечика:
Как первое-то колецько было менноё,
Как второе-то колецько как серебрено,
Кабы третье колецько позолочено.
Тут были ведь подписи подписаны,
Уж как были й-де по́дрези подрезаны:
Кабы простые-то ле люди крестиянска
Кабы вежут добрых коней к колечику,
Как к колечику вяжут они к менному;
Как богатые люди ище приедут,
Они вяжут кольцо ище серебрено;
Как богатыри-те как ище приедут,
Они вяжут за колецико золóчено.
(Три колечика, дак разны приежжают да завязывают.)

Говорит-то ведь Дюк ыще Степановиць:
«Я в своей-то ле Нижней Малой Галифты,
Я ведь там-то живу я ведь простым мужиком;
А в своей-то вот Нижной Малой Галицы,
Я ведь там же живу ище добрым купцом;
Я своей-то в ле в Нижной Малой Галицы,
Я живу-де ведь как да я великим князём».
(Я, говорит, сам всё один соуправляю, дак!)

Он завязывал коня да за колецика,
Как за все-те он три да ён зав'язывал.
(Как он все будто и исполнял, он все колецика поводом продёрнул.)
А князья-та Владимира в доме не случилосе,
Кабы ушли они-то ведь в церкву божию
Как служить-то обедню воскресенскую.

Там походит ле Дюк да во божью церкву,
Он заходит-де Дюк да во божью церкву,
Он крест-от кладёт да по-учёному,
Он молитву творит полнү Исусову,
Кабы поклон-от ведёт да по-писанному,
Он стаёт тогда подле князя по Владимира,
Тут приходит ему...

(От приходит ему..., как жо, от забыл... Уже надумалось! Дак можно отдохнуть ведь.)

Приходит ему Чурило да блада Клёнковиць.
«Уж ты ой еси, удалый доброй молодец!
Ты с какой-де страны, да ты какой земли,
Ты какой-де земли, ище какой Орды,
Уж ведь как-то тебя да именём зовут?»
Отвечал на то ле Дюк ыще Степановиць:
«Ат не то-де поют, да здесь ведь слушают,
Как поют здесь ведь службу воскресенскую».
Кабы концилась тогда служба воскресенская,
Как Владимир-от князь берёт Дюка Степанова
За правую руку ище за белую,
Он ведёт его во гридню княжонецкую.
Он устроил тогда он еще пир богатыи
Как для тех-то бояр да толстобрюхиих,
Как для тех-то кресьян да православных,
Как для тех-де он русских богатырей.
Кабы все на пиру да напивалисе,
Кабы все на честном да наедалисе,
Кабы все-то сидят да пьяны-вёселы,
Как один-то ле Дюк сидит нецем не хвастает.
Подходил ему солнышко Владимир-князь:
«Уж ты што же, удалой доброй молодец,
Уж ты што же ле, Дюк да наш Степановиць,
Почему же нецем да ты не хвастаешь?
Наверно, рюмки вина те не доходили,
Винно, пивныя чяры не доношены?»
Отвечаёт на то да Дюк Степановиць:
«Мне как винны-ти чярочки доношаны,
Уж мне пивны стоканы все доходили».

Ат на то ведь нынь солнышко догадлив был,
Он спускалсэ сейчас да во глубок погреб,
Наливал он ведь чяру зелена вина,
Не велику, не малу — полтора ведра,
Заносил он ведь Дюку-то Степанову.
Как берет-то Дюк Степановиць чярку во праву руку,
Кабы пьёт эту чяру к едину духу,
Он калачиком...

Да и сам-то к тому да приговаривал:
«Окатило моё да ретивó сердцó,
Обвеселило мою да буйну голову».
(Цярка порядоцьня, дак он(и) веселой стал!)

А говорит тогда да Дюк Степановиць,
Он закусывать калачик ишепчонинькой,
Абы сам-то себе да приговариват:
«Аж у мя-то у родимой ище маменьки
Как калачики у мя да ище хорошии,
Как(ы) подики у мя ище медяныи,
Как помёлышка у нас ище шелковыя,
Ах у вас-то ле, солнышко Владимир-князь,
И вас ведь подики, наверно, как ведь гнілены,
Как помёлышка у вас ище сосновыя —
Кабы нижна-та короцька пахнёт гнилянку,
Кабы верхна-та короцька — на сосенку».

Тогда говорит-то Чурило бладо Клёнковиць:
«Уж ты ой еси, Дюк да ты Степановиць!
А давай-ко мы с тобой да поровняймсе
Кабы тыми-де мы платъём с тобой цветным».

Отвечат на то ле Дюк ище Степановиць:
«У мя здесь ведь платъицо дорожноё,
Кабы здесь у мя ведь платъицо худяшчое.

Я пошлю-де за платъём в Нижну Галицу,
Привезут-де мне платъё ище цветное».

Посылат-то ле Дюк да сын Степановиць,
Кабы пишот письмо да своей матери:

«Ты пошли-ко-се мне да платъё цветное,
Я которо надевал ище одныжде в год».

Поежжаает человек за платъём цветным,
Приежжаёт ле и Дюковой ронной матушки,

Кабы той-де Омельфы Тимофеёвной:
«Уж ты дай-ко-се мне да платъё цветноё
Как своёго-то сына ведь родимаго,
Кабы которо надеват он нонь онныжде в год».
Назавязывала-приготляла платъё цветное,
Как сапожки-ти клала ведь зелён сафьян,
Кабы шубу-ту клала ище кúньицу.
Отправлялсэ товда да его ведь посол,
Приежжал-де ле он ище во стольной Киёв-град,
Привозилэ-де он да платъё цветноё.
Одевалсэ тогды да Дюк Степановиць,
Он сапожки надел ище зелён сафьян,
Он(ы) шубу надел да ище кúнию,
Проводил он по шубы ишче по пуговкам:
Кабы каждая пуговка стала петь своим голосом,
Кабы етим ведь Дюк перещоголял его.
Говорит-то ведь Дюк да сын Степановиць:
«Вы берите-ко с собой бумаги множество,
И чернила берите много-множество,
Вы описывайте-ко мою золоту казну».
Поежжали они да в Нижну Галицу,
Приежжали к двору к Дюка́ Степанова.
Кабы стретила ех их да ронна матушка,
А садила ведь их да за дубовый стол.
Приносила она фляжочку великую,
Кабы было у фляжечки семьдесят рожков,
Как из каждого рожка да разна напичка —
Не могли они фляжки той цены сказать.
Как описывали его да ведь имучшество —
Не хватило у их да бумага белой,
Не хватило у их чернила черного.
Отправлялись они да [в] стольной Киёв-град,
Росказали царю да всё ведь по́ ряду,
Росказали царю да всё ведь по́ чести.
Кабы тим-то у их старина́ скончаласе,
Кабы тим-то она у их покóнчилась.

Всё, значит, у Дюка именъё проверили. И все больше. С этим кончилась
ста́рина.

Этот был Чурило благой, он был с гола щыплив. Крепко толь хотел его перещоголять. Одежда ёго, тут вишь, кажна пуговка заговорила своим голосом. Эк вон ждал своего, такой нету. *(Кака-то вот была цюш горожона, дак пели ведью.)*

(Зап. Балашовым Д. М.: июль 1963 г., сел. Усть-Цильма Коми АССР — от Вокуева Гаврилы Васильевича, 81 г.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.